

— Нет! Нет! Не надо мне книгу! — крикнула актриса Лидия Иванова.

— Почему? — удивилась писательница Вероника Вахт.

— У меня ... просто нет денег, чтобы покупать эстонские книги, — ответила русская актриса мрачно.

— Конечно, книги сейчас очень дорогие, хотела подарить! У вас в театре такая же тема, как в моём новом романе: права человека, любовь к ближнему, сострадание. Вы, Лидия Иванова, играете там главную героиню. Вам дали за эту роль премию от эстонского Министерства культуры...

Не надо мне таких подарков! пробормотала красавица с ужасом, как будто эстонская писательница хотела ей дать не свою книгу, а бомбу.

— Не читаете книги? Неужели даже актрисы уже не читают? Нет времени? — удивилась Вероника.

— Читаю! — гордо возразила актриса. — Русские не такие дураки, как эстонская пресса о нас пишет. Читаю, даже очень много. В театре, по-моему, по-другому нельзя! Очень люблю Достоевского. Люблю романы Булгакова, поэзию Пастернака и Бродского.

Перечитываю новеллы Чехова, Набокова...

— Любите только русскую литературу? — спросила Вероника Вахт теперь уже с насмешкой.

— Нет, почему? Люблю Сэлинджера, Пруста, Флобера. Многих писателей люблю...

— У вас прекрасный эстонский, нет никакого акцента. Возьмите и читайте мою книгу, не стесняйтесь! — Вероника попробовала не обидеться, но её рука с книгой повисла в воздухе, упрямая актриса подарок не взяла.

— Я говорю без акцента и на английском! У меня талант к языкам. Читаю свободно иностранные книги! Но эстонские книги мне не нужны! — ответила русская дама теперь уже совсем нахально.

— Все эстонские книги? Ах так, понятно! Ваша мама русская, которая не знает эстонского и не знает ни одного эстонского автора?!

— Моя мама действительно не знает эстонского, но очень в советское время любила эстонских молодых авторов, таких, как Арво Валтон, Мати Унт, Вайно Вахинк и... говорила,

что они не хуже, чем Сэлинджер или Набоков, а некоторые даже лучше! Она читала всё, что переводили на русский, — сказала Лидия Иванова с гордостью и добавила грустно, — но сейчас она тоже больше эстонских авторов не читает. Даже ваших классиков. Когда-то я сама тоже любила Таммсааре, прочитала по-русски и мечтала, что когда буду знать эстонский, перечитаю всех любимых авторов уже по-эстонски...

— И прочитали? Хотя бы Таммсааре?

— Нет, не буду. Сейчас не желаю читать ни одного эстонского писателя. Всех моих любимых эстонских авторов бросила в мусорный ящик, — сказала русская актриса вызывающим тоном.

— Могли ведь подарить кому-то! — испугалась эстонка и спрятала свою книгу в сумку.

— Нет! Не буду никому дарить эстонские книги. И не спрашивайте, почему. Если сами не знаете ответ, не буду вам ничего объяснять. Всё равно не поймёте!

— Это всё слишком мрачно и несправедливо. Такого я от вас не ждала! — сказала эстонка с упрёком. — Хотела вам подарить от чистого сердца. От вас ничего не хочу: ни билетов в театр, ничего!

Ничего не хотите? — улыбнулась актриса, но это была злая улыбка. Вам ведь больше нечего брать у нас, поэтому больше ничего не хотите...

— Не понимаю...

— Эстонцы взяли у нас родину и все права, мы сейчас в Эстонии не люди, а русские оккупанты с серыми паспортами. Неудивительно, что больше ничего не хотите!

— Не все эстонцы создавали эти за-

коны! Законы принимали политики! Парламент! — Вероника объясняла актрисе, как ребёнку, хотя уже хотела уйти и больше её никогда не видеть.

— Но все другие молчали и сейчас молчат тоже! — крикнула Лидия Иванова с упрёком.

— Не молчат! Не все молчат! В этой моей книге говорится о жизни наших русских в Эстонии...

— Эстонцы с хорошими паспортами не могут ничего знать о жизни людей без паспортов или с серыми паспортами, — ответила актриса уже очень зло.

— Таких слов от вас, Лидия Иванова, не ожидала... слишком мрачно и несправедливо!

— Мы тоже всего этого от эстонцев не ждали! Неужели серые паспорта русским коллегам и друзьям — это не слишком мрачно и несправедливо?!

— Советские политики оставили в Латвии и Эстонии всех русскоязычных без гражданства. Именно советские политики. Номенклатура, коммунисты. Беспартийных и честных эстонцев в 1991 году в парламенте было очень мало. Только советская элита... Какая здесь моя вина? От министерства премию взяли! Мой роман не возьмёте?

— Не возьму, потому что в первом парламенте в 1991 году в Эстонской республике были и эстонские писатели, которых моя мама раньше очень уважала. Вся эстонская культурная элита предала русских друзей и коллег. Эстонские актрисы перестали меня узнавать на улице, перебежали

на другую сторону, если меня видели, как будто у меня какая зараза: холера или что-то ещё хуже... Не хотели со мной говорить!

— Это ведь единицы! Эстонцы вообще добрые и честные, нет никакой злости против других народов! — повторяла Вероника Вахт, как робот, не зная, как теперь убежать.

— Да, они были честные... когда-то... Даже Солженицын дал рукопись «Архипелаг ГУЛАГ» одному эстонцу... бывшему заключённому, а не русскому. Рукопись сохранилась около университетского города Тарту! Но всего этого ваши диссиденты и писатели не помнили, создавая вместе с советской номенклатурой законы о гражданстве. Оставили всех русских с серыми паспортами и без прав! Эстонские коллаборационисты, эти московские марионетки получили права, и многие сейчас очень богаты, миллионеры!

— Многие русские тоже! В Эстонии самый богатый человек именно русский! И таких русских много!

— Потому что они были хитрыми коммунистами, идеологическими наставниками! Какая это справедливость? Бышие эстонские диссиденты, которые сидели в лагерях вместе с русскими, не требовали, чтобы всё русскоязычное население в Эстонии и Латвии имело нормальные паспорта, как в Литве! Там ведь все люди получили паспорта, можно было и так?! Можно было? Можно или нет? — кричала актриса так громко, что люди на улице останавливались.

— Сама не была в парламенте никогда, не знаю, что там можно, а что нет! Не знаю, не знаю, не знаю! Знаю только, что живу немного хуже, чем русские актрисы, потому что активно пишу об этой несправедливости! Не так, как русская новая элита! Она ведь тоже молчит, вместе с эстонцами! — кричала Вероника Вахт.

Пауза, тишина. Женщины смотрели друг на друга, как будто видели впервые. Вдруг красавица-актриса истерически засмеялась и добавила тихо:

— В курятнике не найдёшь птичье молоко! —

— Не поняла. Что вы сказали? — удивилась Вероника Вахт. — В каком курятнике? Какое молоко? Вы что, думаете, что эстонская писательница — это глупая курица? Всю жизнь русских защищала, боролась, чтобы у вас были нормальные паспорта, а не эти серые... Почему меня оскорбляете? Моих книг не хотите! Почему обвиняете... презираете... хотя даже не хотите ничего прочитать?

— Некоторые дети не могут пить молоко, у них аллергия против молока. Вот, у нас сейчас аллергия на эстонские книги! — объяснила актриса с хитрой улыбкой, как будто играла на сцене. — Нас, русских, послали эстонские политики в курятник, и там эстонская литература не нужна!

— Какой курятник? Какое молоко? Это нелогично!

— Логика в том, что эстонцы заставили нас силой и строгими законами учить эстонский — после этого эстон-

ский для нас как техническое птичье молоко, которое должно наших детей сделать эстонцами. Но беда в том, что так называемое «птичье молоко» или молоко голубей, которое в зобе у них, откуда этот корм получают слётки — полезно птенцам только тогда, когда это настоящее птичье молоко, с материнской любовью! — такое молоко волшебное! Но техническое молоко ничего хорошего не даёт, наоборот! От этого цыплят просто тошнит! Они это не могут пить... и не хотят! Не хотят, не хотят!

— Хочу вам подарить книгу, не молоко! — сказала Вахт сердито. — Не пудрите мне мозги идиотскими сравнениями! Это уже как... русская пропаганда!

Актриса засмеялась опять, это был злой смех:

— Какая русская пропаганда? Это, наоборот, эстонская пропаганда! Эстонские законы нас просто изнасиловали со своим языком, а от насилия не осталось никакой любви к эстонским книгам... Сейчас ваш язык ненавижу и Таммсааре больше никогда не читаю! —

— Лидия Ивановна, вы ведь прекрасно живёте, лучше, чем многие эстонцы! Почему такая злая?

— Да, в курятнике можно тоже красиво жить, тем более, что там паспорт не нужен и государство тоже не нужно! Там у нас сейчас свои законы и правила курятника! Живём, как свободные и вольные птицы!

— Если так, то почему жалуетесь? — спросила Вероника сердито. — Что

вам эстонцы сделали?

— А что местные русские вам сделали? Мы здесь все вместе работали, ругали вместе советскую власть, потом стояли вместе на «Балтийской дороге». Тогда все надеялись, что будет свобода и демократия. В этом году тридцать лет этой «дороге», где стояли все — эстонцы, литовцы, латыши и русские тоже. А нет больше никакой «Балтийской дороги».

— Как нет? Будет даже Rail Baltic. Это железная дорога, прямо и быстро: Эстония, Латвия, Литва. От Таллинна до Вильнюса! И потом до Берлина...

— Если будет этот Rail Baltic... когда-нибудь, тогда богатые поедут из Таллинна в Берлин, никто не будет выходить в Вильнюсе или в Риге, а бедные вообще никуда не поедут, потому что проездные билеты в Европу очень-очень дорогие. Уже дороже, чем на самолёт.

— Неужели даже такая актриса, как вы, Лидия Иванова, не понимает или не хочет понять, что не все эстонцы одинаковые? Прочитайте, наконец, эстонских авторов и не болтайте... глупостей! Мой последний роман все с интересом читают! В библиотеках уже очередь, — сказала Вероника Вахт обиженно. — Не ожидала таких слов от вас. Если не любите эстонские книги, значит, не любите Эстонию? Зачем тогда здесь живёте? Работаете в театре, получаете огромную зарплату как примадонна... Но не любите, ничего не любите, даже Таммсааре... —

— Люблю... Эстонию очень люблю, здесь ведь родилась... Свой театр люблю. —

— Не верю. Говорите, как... как... Вас надо выслать, выслать... выслать в свою Россию! — крикнула писательница вдруг очень зло и сама удивилась, как странно звучит её голос. Обе испугались этого крика.

— Извините, что так сказала! — пробормотала актриса. — Эстонцы, конечно, добры ко мне. Премию даже дали... за эту пьесу, где всё написано так, как... положено. Забудьте мои слова, просто пошутила. Это всё шутка, что в курятнике...

— Но если пошутили, возьмите всё-таки мой новый роман! — сказала Вероника Вахт тихо, это была последняя возможность уйти с миром. — Прочитайте и всё поймёте, не будете больше болтать, что в курятнике нет птичьего молока и другие глупости!

Лидия Иванова на этот раз взяла испуганно книгу, поблагодарила, сделала реверанс, много раз поклонилась, как будто стояла на сцене перед публикой. А потом ушла, почти убежала. Вероника Вахт пошла за ней.

«Почему я слежу за этой актрисой, как шпионка?» — подумала писательница, хотела было пойти назад, как увидела с ужасом: актриса бросила её книгу в мусорный ящик и быстро прыгнула в автобус. Вероника побежала к мусорному ящику и увидела свою дорогую, красивую книгу среди мусора и бутылок. Она со слезами на глазах попыталась достать книгу, но никак не могла до неё дотянуться.

Вдруг сзади донёлся мужской голос. На чистом эстонском, совсем без акцента мужик произнёс:

— Это мой район, мои мусорные ящики и мои бутылки! Убирайтесь, или морду вам разобью!

— Там моя книга! — крикнула, плача, эстонка. — Не нужны мне ваши бутылки! Мне нужна только моя книга!

Старый бомж достал из ящика грязную книгу, и вдруг его лицо переменилось, приняло почти интеллигентное выражение, он мрачно улыбнулся и сказал:

— Возьмите и убирайтесь. Мне ваша книга не нужна! От этой бумаги холод и голод не станут меньше.